

Последняя провинность Колчака

Александр Шипицын

- Тише! Я еще не закончил, - замполит базы подполковник Гаврюшин постучал карандашом по стакану, - напоминаю, - он нахмурился, - завтра итоговые политзанятия в подразделениях. Особо обращаю внимание командира роты охраны. Как вы там? - он повернул голову в сторону капитана Блащук, командира упомянутого коллектива, - Готовы?

- Так точно! Конечно, готовы! - подскочил вместо командира, лейтенант Белоус, месяц назад назначенный на должность замполита роты охраны, - каждый матрос назубок выучил свое выступление+, конспекты у всех в порядке, сам проверял..., работы классиков марксизма-ленинизма матросы знают, и ...

- Да, сядь ты, - Гаврюшин поморщился от такой ретивости, - я ведь не тебя спрашиваю, а командира. Тем более, что ты пойдешь проверять подготовку автозвода. Василий Степанович, - он повернулся к Блащuku, - роту сам будешь представлять проверяющему из дивизии. А уж, какие там у тебя академики, не мне тебе говорить. Помнишь как этот, как его, ну, грузин у тебя был. Напомни. А! Гокадзе. Когда его спросили, что такое дружба народов, как он лихо ответил. Дружба народов, сказал он, это когда мы русские, украинцы, грузины, все вместе, дружно, идем резать армян!

Аудитория, тоже дружно, громыхнула смехом. Подполковник взмахнул руками, призывая к тишине.

- Досталось мне тогда за такую подготовку. Так что не подведи и на этот раз.

- Товарищ подполковник, - поднялся со своего места капитан Блащук, - роту готовил лейтенант Белоус, пусть и проявит себя. Вы же знаете, в третьем карауле освещение на постах барахлит, а во втором сигнализация неисправна, кроме того...

- Мы сейчас говорим не о состоянии объектов. Ты мне ответь, рота к занятию готова?

- Так точно! - ответил Блащук, с сомнением косясь на лейтенанта.

- Ну и все, и хватит. Это ведь не разбор обеспечения полетов. Хочу напомнить всем присутствующим, а отсутствующим прошу передать, - замполит базы выпрямился и строго посмотрел на притихшую аудиторию, состоящую из командиров и замполитов подразделений авиационной базы, - марксоленинская подготовка в частях и подразделениях армии и флота это важная составная часть общевоинской и специальной подготовки личного состава. Мы должны постоянно, целенаправленно развивать и совершенствовать ее. Центральный Комитет КПСС, - не на шутку разошелся он, - требует от нас постоянной и, я бы сказал, напряженной работы в области воспитания личного состава, в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма. - в таком духе он мог говорить часами, не уставая и не повторяясь.

Не обнаружив на лицах собравшихся должного отклика и воодушевления, но, будучи опытным замполитом, он с горних высот пропагандистского искусства спустился к насущным проблемам и продолжил инструктаж.

- Напомните матросам, что они при ответах могут пользоваться конспектами, заметьте своими конспектами, а не взятыми напрокат. И проверьте, чтобы

конспекты были аккуратными и свежими. Не так как майор Хахамович ответил проверяющему, когда его спросили, почему у него конспект такой старый и не пора ли его обновить? Он ответил, и как всегда, вопросом на вопрос: "А, что? Разве Владимир Ильич, в последнее время что-нибудь еще написал?", - ну, тише, тише, - успокоил он снова грохнувшее смехом собрание. Итак, -продолжил он, конспектами пользоваться можно, но только так как это делает воробей: клюнул зернышко и чирикает целый час, а не как лошадь - опустила морду в торбу, и жует, жует, жует. Михайлов! Старший лейтенант Михайлов! - повторил подполковник, обращаясь к офицеру, красный нос которого выглядывал из густых и пышных усов как снегирь из гнезда. Тот что-то оживленно обсуждал с коллегой, - ты послушай, что я говорю, может, что дельное услышишь.

- Тащ подполковник, - заторопился оправдываться усач, - да я слушаю...

- Будет тебе, слушает он! Оправдываться не надо, мы не в милиции. Ты лучше мышь изо рта выплюнь, - намекнул замполит на пышную растительность под носом офицера,

- Ведь у тебя ни один матрос Иран на карте показать не может. Они у тебя, вообще горячие точки планеты с эрогенными зонами путают. Куда у тебя матрос посмотрел, когда я его попросил показать Гондурас? Вот то-то! Прошу и требую, всем матросам поработать с картой, чтоб потом не жег позор за их ответы. Проверяющие из дивизии - люди ответственные. Где же им оттачивать свою принципиальность как не на наших чурбанах? Будут серьезные упреки в наш адрес, - пощады от меня не ждите! Все вам тогда будет, и отпуск летом, и квартира, и должность, и звание, и черт, и дьявол. Не ходите потом за мной и не просите. Буду каленым железом высекать и поганой метлой выметать. У меня все! Вопросы? Нет вопросов? Замечательно! Все свободны.

После совещания у замполита Блащук побежал в третий караул. Пощелкав выключателем на столбе, он убедился в отсутствии освещения на первом и четвертом постах, а когда вошел в караулку и увидел спящую смену, которой надлежало бодрствовать, предстоящее итоговое политзанятие в его мозгу съезжилось и отошло на задний план. Выдрав начальника караула, он вызвал электрика. Затем лично сам залез на столб и показал электрику, сначала кузькину мать, а затем и способ устранения неисправности, где та же мать играла существенную, если не сказать главную, роль. Состояние сигнализации на постах второго караула, и бодрствование его личного состава ничем не отличалось от освещения постов и бдительности третьего караула. Опять на помощь была вызвана многострадальная матушка. Сигнализацию, как устройство более сложное, чинили дольше, что вызывало естественное раздражение караульных, не смеющих завалиться спать в присутствии командира роты.

В казарме роты радости и отдохновения взору также не добавилось. Зачуханные матросы при любой возможности норовили завалиться на постели, что, как известно, уставами не приветствуется. Дневальный по роте на все телефонные звонки отвечал загадочной фразой:

- Матрос Амиров стоит. Трубкам смотрит, - а затем, презрев свои обязанности, принимал самое деятельное участие в ограблении молодого пополнения. В то время когда сержант стаскивал с молодого матроса новенький бушлат, он отнимал у другого скрипящий ремень с сияющей бляхой. Разумеется, это увлекательное

занятие не позволило дневальной службе должным образом отреагировать на появление командира.

Снятие и замена наряда, а также размещение его на гауптвахте и в обычный день не легкий процесс, а уж накануне итоговой проверки и вовсе невозможный. Пришлось ограничиться грозными посулами и смутными угрозами, из чего виновники поняли только, что их сегодня по непонятной причине не накажут. А уход капитана был воспринят как приглашение к продолжению третирования молодняка.

Уже покидая казарму, его остановил матросик, который возмнил, что командиры рот существуют для душевных бесед. Принудительная заправка обмундирования, получасовая строевая подготовка и тридцать отжиманий выбили это пагубное заблуждение из наивной жертвы советского кино. Подошедшему на шум старшине роты Блащук приказал отправить разговорчивого матроса мыть полы в казарме.

Он совсем уже было, направился в ленинскую комнату, когда усатый командир автозвода, у которого матросы путали скромный Гондурас с чем-то непотребным, позвал его "посмотреть" новенький "Иж Юпитер" с коляской в гаражах за стадионом. На этом решение служебных вопросов было завершено. Правда, они вернулись к ним в процессе осмотра и обмывки мотоцикла, но особой пользы для службы их беседа уже не имела. Засыпая, он вспомнил об итоговом занятии, но, махнув рукой, провалился в тяжелый, без сновидений сон.

Утреннее построение выявило массу недостатков как в порядке в казарме, так и во внешнем виде матросов. Койки не выровнены, пыль с окон не вытерта, постели заправлены кое-как.

- Чья это постель?
- Моя. - к нему подошел матрос второго года службы.
- Она у вас заправлена как ливерная колбаса.
- Тащц капитан. Тащц капитан, а у меня? Вот посмотрите, - попробовал переключить внимание начальника подбежавший сержант.
- А у вас как по два двадцать, - отрезал Блащук, - Рота, после команды "Разойдись", пять минут на наведение порядка в казарме, потом построение. Разойдись!

Смуглая кожа большинства охранников удачно маскировала немытые шеи и лица защитников отечества. А вот с фланелевками дело обстояло гораздо хуже. Грязные, в пятнах, не глаженные они едва ли соответствовали представлению о торжественности предстоящего события. Выглядывающие из под черных, мятых брюк, стоптанные кирзовые сапоги, ликования, и торжества не прибавляли. И что было самым ужасным, не у всех были комсомольские значки. Это могло сорвать занятие в самом начале. Вызванный старшина долго оправдывался, а потом вздохнул, ушел в баталерку и вернулся с пригоршней сверкающих значков. Розданные на ходу увещевания и поучения принесли некоторую пользу. Через пол часа на роту уже можно было смотреть без особого отвращения. А еще через пол часа итоговое политзанятие началось.

Проверяющий, полковник из управления дивизии, то ли летчик, то ли штурман, Блащук никогда не пытался научиться их различать, одобрительно посмотрел на представленную ему группу матросов. Он как-то, по особенному

просто, поздоровался, выслушал ответное приветствие и разрешил сесть. Капитан Блащук, по-воински воспитано, попросил разрешения начать занятие. Полковник преисполненный благожелательством милостиво его дал.

Потеха началась. Будучи неплохим командиром, Василий Степанович был скверным оратором. А передать все богатство русского языка, находясь в тесных рамках плана занятия, не представлялось возможным. "Мы, это...", "Значит...", "Так сказать..." преобладали в его вступительной речи. Особенно часто и всегда не к месту звучало слово "Именно...". Шутка замполита базы о воробье и лошади, одобренная упомянутыми словосочетаниями впечатления на собравшихся не произвела. Полковник витал в стратосферных высях, а матросы, будучи в основе своей детьми знойных пустынь и азиатских гор не смогли по достоинству оценить, сей дивный перл риторики, по причине слабого знания русского языка. Даже положенный по уставу запас команд на русском языке освоили далеко не все. Что и приводило порой к казусам, имевшим место в повседневной караульно-постовой жизни. Так, например, один из тех, кому вскоре предстояло восхищать представителя

дивизии своими глубокими познаниями в области первоисточников классики марксизма-ленинизма, охранял, в качестве дневального, автопарк. Как дело происходило днем, в обеденный перерыв, бравый джигит исполнял свой долг вооруженный только ножом - СВТ, то есть обычным штыком в железных ножнах. На этот пост, не ведая, о грозящей ему опасности, шел некий гражданский человек, имеющий там постоянное занятие, доставляющее ему средства к существованию.

Бравый джигит твердо помнил слова предписанные уставом, но, не имея на вооружении, в данный момент, оружия огнестрельного и, очевидно, обладая природной смекалкой, сообразил, что предписанные уставом слова не совсем соответствуют сложившимся реалиям жизни. Поэтому он зычным голосом предупредил покушающегося на нерушимые границы поста командой: "Стой! Рэзать буду!", чем поверг в недоумение потенциального нарушителя.

В другом случае, имевшем более печальный исход, дитя пустынь, вооруженное заряженным автоматом, забыло волшебные слова, которым его учили отцы-командиры.

И когда оно, то есть чадо, увидело случайно забредшего на пост пьяненького нарушителя, то пыталось, как ему казалось, по уставу, предотвратить наглое вторжение командой: "Идешь?", подразумевая: "Стой! Кто идет?". Получив в ответ довольно логичный отклик: "Иду!", наш боец порылся в своей памяти, но извлечь сумел опять таки только злополучное "Идешь?" и, получив в ответ нахальное "Иду!" бдительный воин, забыв о предупредительном выстреле, прицельно применил табельное оружие, исторгнувшее из пораженного в ногу нарушителя серию воплей совсем уж неприличного содержания.

Актуальные вопросы текущей жизни и практики, участвующие в семинаре, освещали, хотя и с трудом, но вполне узнаваемо. Так, например, СССР они расшифровывали практически правильно, а США показывали, хоть и не совсем точно, но все-таки в западном полушарии. Некоторые доходили до таких вершин политической зрелости, что могли отличить фотографию товарища Леонида Ильича Брежнева от портрета Карла Маркса. А один матрос, имеющий задатки политического лидера поразил воображение проверяющего тем, что сумел

вспомнить фамилию министра обороны. Правда, не того, который исполнял эту ответственную должность в настоящий момент, а того, который умер лет десять назад. Чувствовалось, что старики в его стойбище были, не прочь потрепаться и на политические темы. Видя, что занятие на правильном пути, проверяющий полковник медленно и с достоинством погрузился в дремоту. Его лицо, преисполненное благородством и с закрытыми глазами сохраняло вид человека занятого решением важнейших философских проблем.

Но настал момент, которого опасался капитан Блашук. Плавное течение семинара подошло к пороженным вопросам, имеющим теоретическую подоплеку. Наследие классиков марксизма-ленинизма было непреодолимым препятствием даже для опытного капитана, не говоря уже о его неискушенных подчиненных. Капитан попытался обойти опасные скалы, перескочив через ряд вопросов, но некстати проснувшийся полковник, большой любитель ленинского наследия, взглянув на план занятия, спросил:

- А ведь следующий вопрос работа Владимира Ильича Ленина "Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы Красной Армии над Колчаком", не так ли? Это очень важная и нужная в нашей практике работа. Мы обязательно должны ее рассмотреть. Я бы попросил того, кто будет отвечать на этот вопрос, не только раскрыть содержание самой работы, но и показать важное ее значение для развития теории марксизма-ленинизма. Прошу.

Василий Блашук сам знал только, что Колчак был исключительным гадом и не помнил всей истории связанной с победой над ним. А уж о том, что эта работа Ленина имеет еще и эпохально-теоретическое значение, он услышал впервые, и даже представить себе не мог, кто бы из его матросов был в состоянии повторить такие мудрые, как "теоретическое наследие", слова.

- Итак! - полностью взял инициативу в свои руки, окончательно проснувшийся полковник, - Кто желает раскрыть нам этот вопрос? - он оглядел аудиторию, пригнувшую головы к конспектам. Матросы, уяснив себе, что надо не только осветить содержание загадочной работы, но и донести до слушателей суть совсем уже непонятной для них теории не торопились проявить, ожидаемую от них активность.

- Товарищи, смелее! - подбодрял добрый полковник.

И хотя раньше, надеясь на снисходительность проверяющего, проинструктированные командиром бойцы смело тянули руки, на этот раз, запуганные жуткой теорией, они смелостью не бравировали.

- М-да. Лес рук. - полковник в очередной раз оглядел стриженные затылки, - Раз нет желающих, придется перейти к добровольно-принудительному методу.

Он взял в руки журнал группы марксистко-ленинской подготовки.

- Матрос Арсаланов.

- В наряде, товарищ полковник, - мгновенно, отреагировал Блашук.

- Так, хорошо. Тогда товарищ Магометбайлатыпов. - полковник с надеждой посмотрел на сидящих.

- Э-э, лазарет, товарищ полковник.

- Амиров?

- На гауптвахте.

- Кердыбабаймамбеталимов, - с большим трудом прочел по журналу, уже было отчаявшийся любитель ленинского теоретического наследия. К его радости, сидящий за задним столом матрос, хотя и не очень уверенно, приподнялся.

- К ответу!

Не очень надеясь, что его минует чаша сия, вызванный, еле передвигаясь, все же двинулся навстречу судьбе своей. Всею своей фигурой он выражал известную в военных кругах поговорку: "Пять минут позора и ты свободен".

Полковник даже не попенял Кердыбабаймамбеталимову за неуставной доклад о прибытии и готовности к ответу, так велико было его желание поскорее погрузиться в теоретические глубины гениального труда. Он даже полуприкрыл глаза, что бы не пропустить самых важных моментов. Последовавший доклад заставил его глаза широко раскрыться.

- Ленин писал, что рабочий бедьжал, - начал матрос, догадливо ориентируясь на длинное название работы. - Нэт, это крестьянин бедьжал, а рабочий стоял. Кальчак приходил, а Ленин стрелял. Это..., да? Красный Армия тоже стрелял, да? Но Ленин сказал, чтобы Кальчак уходил, а он нехотель и армия стрелял. Кальчак приходил, Красный Армия уходил. А тот, рабочий, он тоже хотель стрелять, и крестьянин очень хотель. Но Ленин сказал и рабочий побеждал... Тогда Ленин опять Красный Армия звал, но тот не шёл, а Кальчака побеждал...

Он, довольный своей сообразительностью и ответом, уставился на полковника в надежде, что тот скажет: "-Достаточно." Но, полковник, раздосадованный срывом ожидаемой полемики не желал так быстро закрывать любимый им, еще с курсантских годов, вопрос. Осознав, что ожидать на итоговых политзанятиях в роте охраны достойного ему оппонента не разумно, он решил, наводящими вопросами, разведать глубину познаний отвечающего.

- Ну, хорошо-хорошо. Бежал, стрелял, приходил.... Вы мне лучше скажите, а кем был, этот ваш пресловутый Колчак?

Матрос со страхом и надеждой посмотрел на командира роты. Тот, нахмутив брови, изобразил на своем лице гримасу отвращения.

- Плахой человек Кальчак бил.

- Правильно, плохой. Совсем плохой. А что он делал, этот плохой человек?

Кердыбабаймамбеталимов, опять с надеждой посмотрел на командира. Командир, ухватив себя за горло левой рукой, правой, якобы держащей в кулаке нож, изображал одновременно процесс удушения, убийства и грабежа. Умный матрос сразу все понял и голосом полным сочувствия и сознания своей правоты доложил:

- Кальчак наш командир роты душил.

На этом итоговое политзанятие в роте охраны собственно и закончилось. Охваченный приступом внезапного удушья полковник выскочил из ленинской комнаты, пробежал казарму, забежал за угол и только там позволил себе вдоволь насмеяться. Смеялся он до неприличия долго. А проходящие мимо него патрульные, переглянувшись, поспешили убраться с глаз долой.